

РОССИЯ–ГРУЗИЯ
ПОСЛЕ ИМПЕРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА • 2018

УДК [821.161.1:821.353.1]"1985/20"
ББК 83.3(2=411.2)64-021:83.3(5Гру=601.1)64
Р76

Редакторы серии
И. Калинин, Т. Вайзер

Р76 Россия–Грузия после империи: Сборник статей / Сост. Мирья Лекке, Елена Чхаидзе. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 400 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-0787-3
ISSN 1815-7912

В сборник статей «Россия–Грузия после империи» вошли научные, литературные, публицистические материалы и интервью культурологов и литературоведов из разных стран (Великобритания, Германия, Грузия, Польша, Россия, США), а также наблюдателей постсоветских трансформаций русско-грузинских отношений. В исследованиях кажущейся знакомой темы «Россия–Грузия» главной задачей являлось выделить в рамках междисциплинарного и международного диалога новые темы и ракурсы моделирования новой реальности указанного литературно-культурного поля. Именно литература представила собой весьма полезный материал, позволивший заглянуть за кулисы геополитических нарративов, так как политически значимые мыслительные категории являются неразрывно связанными как с литературными образами России и Грузии, так и с русско-грузинским мифом. Если в советскую эпоху русско-грузинский миф способствовал почти ритуальному изучению истории взаимоотношений двух народов, то начиная со второй половины 1980-х годов именно этот миф стал своего рода фундаментом для политического, военного, а также, как тогда казалось, и культурного размежевания некогда «братских республик».

ББК 83.3(2=411.2)64-021:83.3(5Гру=601.1)64
УДК [821.161.1:821.353.1]"1985/20"

© Авторы, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

ГРУЗИНСКИЙ АКЦЕНТ В РУССКОМ
ДИСКУРСЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА
ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ¹

Советское языковое пространство представляло собой сложную ткань, в которой доминировал русский язык. Но и он подвергался влияниям. Фетишизированный литературный (нормативный или стандартный) русский был «подпорчен» разными акцентами, с которыми говорили многие представители советского политического и культурного правящего класса, или элиты, как говорят теперь. Социолингвистические исследования, проведенные в США на американском материале, продемонстрировали, что борьба с акцентами является важным элементом дискурса власти. Преодоление акцентов играет важную роль в разграничении социальных групп. Росина Липпи-Грин полагает, что стандартный язык — это миф: не существует языка без акцента, но и отсутствие акцента — это тоже акцент. В языке сосуществуют разные звуковые вариации. Акцент служит лакмусовой бумагой, или шиболетом, для исключения из определенной социальной группы, оправданием этого исключения и отказа признания другими (Lippi-Green, 1997, 64). Он (говор, диалектная окраска речи) является важной

¹ За ценные советы и критические замечания приношу глубокую благодарность Мирье Лекке и Елене Чхаидзе (Рурский университет, Бохум).

составляющей русского имперства, его можно считать эфемерной идеологемой и сложным культурным инструментом, пока анализируемым в основном попутно, но уже ставшим предметом специального изучения. Идеологическую роль акценты в политической истории России приобрели только в советское время, когда власти получили возможность обратиться к своим подданным с помощью радио, кино и граммофонной пластинки. Уже индивидуальные особенности выговора Ленина самым тщательным образом воспроизводились и даже утрировались в советском театре и кино. То, что делалось в порядке сохранения так называемых *драгоценных черт образа любимого Ильича*, в том числе его косноязычия и, например, неспособности выговаривать букву «р», — сознанию современников могло представляться как специфически «еврейская» картавость² вождя мирового пролетариата. Так называемый еврейский акцент после 1917 г. воспринимался значительной частью образованной России именно как акцент новой власти.

[1/14 сентября 1929] В Музей заявился товарищ Стеклов за книгой, и таким образом в моей небольшой коллекции личных большевических впечатлений прибавилось еще одно звено. Это плотный, высокий жид, которого выдает не тип, но акцент.

6/19 октября. Был приглашен в «Наркомат Внеш. Торг.» по вопросу распределения книг, приобретенных в Англии «товарищем Красиным». Был в обществе Кауфмана, Леви, Френкеля и Каценеленбаума и еще одной Ривки. Это ли не Россия?! Нужно, впрочем, отдать им справедливость, что они рассуждают более здраво, нежели тов. Покровский. Сегодня был в Наркомпросе у жида

² «Пукать надо чуть картаво, с еврейским акцентом» (Ерофеев, 1995, 301).

[З. Г.] Гринберга, который положительно произвел на меня хорошее впечатление. Толковый и благожелательный человек; петербуржцы не даром о нем хорошего мнения. Но, Боже, какой акцент! (Готье, 1993, 142, 144)

В первые десятилетия после революции мало кто из высших советских руководителей говорил без акцента — грузинского (Сталин, Орджоникидзе), армянского (Микоян), украинского (Каганович). За неимением достоверных источников трудно теперь установить, в какой мере именно официальный лозунг интернационализма отражался таким образом в повседневной политической практике. Лишь во время Второй мировой войны, когда официальная линия усвоила черты русской национальной идеологии, подвергся фонетической ретуши главный голос страны: так, на смену актеру Геловани, игравшему канонизированного Сталина с грузинским акцентом, пришел актер Алексей Дикий, говоривший в соответствии с правилами московской театральной школы, которые распространялись на все русские радио- и телевидительные каналы.

Инородные (инородческие) акценты в русской речи по возможности не допускались в систему массовых коммуникаций, так что русская речь всегда звучала по радио как голос Москвы. Так, одним из главных героев кинофильма О. Иоселиани «Листопад» (1966), где события в грузинском городке разыгрываются на фоне постоянно вещающей на московском русском языке радиоточки, оказывается этот невидимый и чужой московский акцент, представляющий нелепостью в Грузии. Прежде чем сказать о собственно грузинском акценте как идеологеме, рассмотрим его в контексте других политически и культурно значимых акцентов.

Появление персонажа с акцентом в средствах массовой информации нуждалось в советский период в специальном оправдании. Кавказскими акцентами воспроизводились характерологические признаки в диапазоне от безрассудства и сумасбродства до глупости и похотливости; украинским акцентом, суржи́ком или южнорусским говором — простонародность (как, например, в парном конферансе киевлян Тарапуны и Штепселя); после водворения генеральным секретарем ЦК КПСС Брежнева южнорусский говор и похожий на него украинский акцент озвучили чиновную тупость. Еврейский акцент отсутствовал в кинематографе, но, наряду с кавказским или украинским, был широко представлен в устной словесности — анекдоте и хохме³. Но почему акцент вызывает смех? Одно из объяснений предлагает Сюзанне Мюльайзен. Она связывает акцент с явлением мимикрии, основываясь на исследованиях Фрейда и Хоми Бабы. Первый видит в мимикрии, наряду с карикатурой и пародией, акт подражания с целью обличения, но не в ярко выраженной форме, а второй связывает мимикрию с процессом выживания подвластного, который подражает властвующему. Таким образом, «инородцы» (в нашем случае: чукчи, евреи, грузины), которых высмеивают в анекдотах, предстают субъектами подражания образа «властителя» (правильно говорящих по-русски), а их неумелая мимикрия подвергается осмеянию (Mühleisen, 2005, 228–230).

³ Ср.: «Она влюбилась в него, а он только и умеет что говорить: „Техника на грани фантастики“, „Ключ от квартиры, где деньги лежат“ — да рассказывать еврейские и армянские анекдоты... Она не в состоянии не ненавидеть его» (Аржак [Даниэль], 1962, 273); «Как отвратительны наши писательские встречи. Никто не говорит о своем — о самом дорогом и заветном. При встречах очень много смеются — пир во время чумы — рассказывают анекдоты, уклоняются от сколько-нибудь серьезных бесед» (запись от 07.12.1957; Чуковский, 2003, 260). См. также: (Sacks, 1974, 337–353).

Некоторые характерные, но малопопулярные произведения эфемерных жанров, в которых запечатлен дискурс власти и сопротивления, до сих пор почти не зафиксированы. Так, в конце 1940-х гг., когда пошли слухи о введении платного высшего образования, появился анекдот о том, как представители разных народов откликнулись на это нововведение; родители послали своим детям-студентам следующие телеграммы:

Украинец: Опанас, вертайся до нас, будешь свинопас!

Азербайджанец: Мамед, пул йохтур [денег нет]! Приезжай

Баку — будешь дохтур!

Еврей: Абрам, сиди на месте: выслали двести.

Разумеется, каждая реплика читалась с соответствующим акцентом.

Анекдот, возникший в многонациональной среде студенческого общежития МГУ на Стромынке в Москве, передает тогдашнюю атмосферу «дружбы народов», не мешавшей появлению негативно сплотивавшего сообщество «националов» антисемитизма: карикатурный еврей, очевидно, оказывается единственным, кто готов справиться с новыми условиями жизни.

Кроме этих основных акцентов послереволюционной России можно указать на идеологически окрашенные как «западный» или «заграничный» польский и прибалтийские акценты (на эстраде 1960–1970-х гг. это, например, голос певицы Эдиты Пьехи), а также карикатурный японский и фонетически тождественный ему в устной словесности чукотский акценты. Оба последних были семантически полярны: носитель японского акцента — это, как правило, наивный представитель гораздо более развитой цивилизации; носитель

карикатурного чукотского акцента, иногда представленного частым употреблением слова «однако»⁴, — воплощение тупости в высшей мере⁵.

Шовинистическая идеологическая окраска вполне обнаружилась и была отчасти зафиксирована в книжном виде лишь с начала 1990-х гг., когда появились соответствующие сборники анекдотов, да и вся тема перестала быть запретной. Только благодаря публикациям Новейшего времени в русском обществе появилась возможность почувствовать напряжение и действенность шовинистических представлений даже у самых выдающихся представителей русской интеллигенции⁶. Вместе с тем снятие преград с высказывания сколь угодно острой неприязни к представителям другого

⁴ «Скандал с „АУМ Синрике“ и избивание католиков на Малой Грузинской — события прискорбные. Дела нештучные. И все же, услышав и о том, и о другом (а еще и о насилии, примененном „людьми при исполнении“ к буддийским монахам, участникам марша протеста солдатских матерей в Чечне) буквально на одной неделе марта, я вспомнил анекдот из „чукотского цикла“ — про знатного олсеневода, созерцавшего целый час паденье в пропасть, одного за другим, особей вверенного ему стада и излившего свои чувства в двух словах: „Тенденция, однако!“» (Поздняев, 1995). Автор имеет в виду анекдот: «Сидит чукча в чуме, читает газету „Правда“ с материалами съезда. Вбегает человек: „Чукча! Там твой олсень в пропасть прыгнул!“ Чукча не отрывается от газеты. Вбегает второй человек: „Там два твоих олсень в пропасть прыгнули!“ Чукча спокойно читает газету. Вбегает третий: „Там все твое стадо в пропасть прыгнуло!“ Чукча меланхолично: „Однако, тен-ден-ция“» (цит. по: Анекдоты наших читателей. Вып. 3 [№ 4]. М.: Студенческий меридиан, 1994. С. 19).

⁵ См. раздел «Чукча, однако» в кн.: (Жириновский, 1994, 38–39).

⁶ Так, об украинофобии русской поэтессы и украинки по происхождению Анны Ахматовой (брезгливо отвергавшей, например, антисемитизм) пишет Лидия Чуковская: «Я спросила, любит ли она Шевченко.

— Нет. У меня в Кисеве была очень тяжелая жизнь, и я страну ту не полюбила и язык... „Мамо“, „ходимо“, — она поморщилась, — не люблю. Меня взорвало это пренебрежение.

— Но Шевченко ведь поэт ростом с Мицкевича! — сказала я.

Она не ответила» (15.10.1939; Чуковская, 1997, 54).

народа или языка стало приводить к межкультурным трениям второго порядка, вызванным почти исключительно пренебрежительным отношением бывшего «старшего брата» к «младшим братьям» — носителям так называвшихся в СССР национальных языков. Так, в обстановке очередного обострения словесного конфликта вокруг культурно-государственного суверенитета Крыма в газетах России начала 1990-х гг. появились публикации, противопоставлявшие «украинскую мову» «нормальному», т. е. русскому, языку⁷.

Значимость самой этой проблематики проявилась тотчас за распадом СССР, когда с политической сцены России ушли люди, говорившие с сильным акцентом⁸. Процедура скрадывания акцента для достижения признания в качестве своего вполне осознана постсоветским русским дискурсом. Вот как писал Дмитрий Быков об одном из перебравшихся в Москву шоуменов:

Ценнейшее приобретение ОРТ — Валдис Пельш. Это гомерически смешной и патологически серьезный человек, почерпнутый для ведения программы «Угадай мелодию» из чудесной команды А. Кортнева «Несчастный случай». В шоу «Случая» он честно изображал прибалта, каким и является, — но прибалта

⁷ «Симферополь („Крымформ“). Президиум парламента Крыма вынес окончательный вердикт: сериал „Санта-Барбара“, как и все прочие горячо любимые народом „мыльные оперы“, должен транслироваться только на русском языке. Для меня звучит дико, сказала при обсуждении одной из эпохальнейших для Крыма и Украины в целом проблем женщина-депутат, когда герой говорит героине: „Я так тэбэ кохаю“ вместо нормального „Я так тебя люблю“. Украинское ТВ нашло огромные деньги на передублирование сериала с русского на „мову“, теперь парламентарии полуострова будут искать меньшие, чтобы вернуть Сиси и его семейку в привычное „языковое поле“» («Я так тэбэ кохаю», 1995).

⁸ Прежде всего, министр иностранных дел в правительстве Э. А. Шеварднадзе, вернувшийся в Грузию.

гипертрофированного, с чудовищным акцентом и невозмутимым фейсом горяч-чего эстонского паарня. Теперь Пельш и говорит без акцента и, умудряясь оставаться серьезным, со множеством полуметельных подколов ведет последний проект Листьева — «Угадай мелодию» (Быков, 1995, 13).

Чувство обиды за отвергнутую колониями державу отзывается не только в устной словесности, но и в политических заявлениях. Форсируемый акцент — вполне в духе вышеописанной официальной тенденции ограждения от него русской системы телерадиовещания — неожиданно сделался знаком предательства:

Чем скорее ближнезарубежные господа новые демократы, вмиг забывшие русский язык (помните, как почти все лидеры — Кравчук, Горбунов и др. — враз заговорили по-русски с сильным акцентом?), перестанут учить ему [русскому языку] нас — тем лучше.

А то ведь эта болезнь уже становится заразной — уже в самой России Калмыкия принимает решение о том, что она теперь по-русски будет называться «Халыг Тангч», Башкирия — «Башкортостан» (Бухвалов, 1994, 11).

Любопытно, что определенные этнические группы, легко усваивающие русскую разговорную речь, тоже могут дожидаться от носителей языка обвинений в этнокультурном двурушничестве. Так, судя по некоторым сообщениям, еврейский акцент часто сливался в сознании великороссов с южнорусским или одесским говорами, но в целом по степени социальной значимости он быстро уступил свое место другим акцентам. Писатель-почвенник, вспоминая свои студенческие годы, пишет об особенностях межэтнических отношений во время «оттепели»:

В университете в одной со мной группе учились Арнштам и Балцвиник; их еврейство воспринималось нами как некое чудачество, прозвище для подтрунивания. Особенность психического склада Арнштама и Балцвиника ровно ничего не значила для нас, поскольку Арнштам и Балцвиник утратили территориальную, экономическую, культурную, языковую общность с другими евреями, обрели общность с нами, стали наши. В группе были еще эстонец, азербайджанец, украинка, белорус, болгарин — тоже наши, но с акцентами в речи; Арнштам с Балцвиником говорили, как мы. Наш «антисемитизм» проявлялся разве что в юморе (Горышин, 1994, 166–167).

Украинский акцент принял на себя в постсоветском русском дискурсе в России роль означивателя взаимоисключающих для общественного сознания концептов — как советского централизованного правления (а), так и сепаратистских устремлений других республик СССР (б)⁹:

(а) Власти не заставили партийных функционеров покаяться, не поставили их на колени, вот они и пакостят, как только могут. И не найдет с ними мира наш президент. Пусть лучше об этом и не мечтает, а берет хорошую метлу и выгребает из своей конюшни всевозможных «патриотов» своих собственных желудков. А то они вновь запели соловьями и, весьма возможно, скоро *поведут нас по сталинскому шляху* (Клюковкин, 1994, 2–3).

Раскулачивания шли по «указивкам»¹⁰ сверху — сколько должно быть кулаков в том или ином месте (Игошев, 1994, 185).

⁹ См. об этом подробнее: (Гусейнов, 1992; Каграманов, 1993; Свобода, карбованец и Крым, 1994; Затонский, 1994; Коваленко, 1994; Алпатов, 1994; Руденко, 1994); см. также: (Heinrich, 1995, 187) — о *хохлобáксах* — украинских карбованцах.

¹⁰ Ср. традиционную русскую форму «жить по указке»: «В Голландии, в Амстердаме, меня хорошо встретили и разместили в небольшом уютеньком отеле, но никакой бумаги, никаких программ мне не вручили,

Мы отвыкли бегать за разрешениями хоть на какую площадь, мы отвыкли смотреть в рот главному редактору, ожидая судьбоносных *указивок*. И цензоров в Китайском проезде давно уже нет (Черкизов, 1996, 87).

(б) Совет Федерации едва не конституировался как *самостийный орган* (Новиков, 1993).

Галдящая и неорганизованная толпа *«самостийных батьков»* пытается подобраться с левого фланга к рычагам власти, при этом нещадно топчя друг друга и постоянно ввязываясь в разборки между собой. Стыд на весь белый свет! (Лебедь, 1995).

[В кабинете председателя Насиминского исполкома Баку] стоял сильный шум на чистом азербайджанском языке. Преобладали голоса двух замов. О чем шел крик, не знаю, ни один из моих солдат азербайджанскую мову *«не розумил»* <...> (Лебедь, 1995, 190).

Маргарет Тэтчер ненавидит чиновников и бюрократию, особенно бюрократию в Брюсселе. Много раз жаловалась мне на Европейское Сообщество. Выступает за *«самостийную»* Великобританию (Немцов, 1997, 104). (Подчеркнуто мной. — Г. Г.)

Тот факт, что именно политики столь высокого ранга, как Лебедь и Немцов, начитав на магнитофон свои произведения, не спрятали растворенные в атмосфере страны шовинистические проговорки и оставили их в окончательной редакции, говорит о высокой степени привычности, усвоенности отношения к акценту как к идеологеме. Совсем другая культурно-языковая ситуация сложилась в Украине, где русский язык долго и неуклонно сокращал области применения

и я, привыкший жить по указке и согласно плану, на котором указано: когда спать ложиться, когда вставать, когда завтракать, обедать, какие и где мероприятия проводить, — несколько даже растерялся от такой воли» (Астафьев, 1993, 112).

украинского языка, вытесняя последний в быт и фольклор; ползучий характер противоборства обоих языков привел к тому, что расширилась область применения суржика — смешанного русско-украинского говора¹¹. Ясно, что дальнейшее сосуществование России и Украины в одном государстве привело бы к такому же ослаблению и постепенному вымиранию украинского языка, как это фактически происходит в Белоруссии, где бóльшая часть населения полностью перешла на русский язык, сохранив лишь элементы акцента.

Жители обеих столиц часто склонны считать «провинциальный» говор собеседников выражением культурной неполноценности, что вызывало и вызывает сильную отрицательную реакцию¹².

У грузинского акцента в этом контексте первых постсоветских десятилетий роль была другой. Прежде всего, в раннесоветское время, когда к власти только-только пришел Сталин, так называемые инородческие акценты не воспринимались как что-то особенное — в силу многонационального характера правящей силы. Но уже Ленин опасался, что

¹¹ «Есть острая необходимость в создании нового поколения учебников для распространения украинского литературного языка. При этом крайне важно не допустить дальнейшего расплывания „суржика“, глубоко изучить границы возможного проникновения и взаимодействия близкородственных языков в процессе их контактирования, пропагандировать и прививать литературные нормы этих языков» (Матвеев, 1989, 11–12).

¹² Так, в воспоминаниях украинского писателя о Викторе Некрасове читаем: «Десять лет прошло с тех пор, как умер в изгнании Виктор Некрасов, русский писатель, украинский гражданин <...> Он был патриотом Киева, с его вечным украинским очарованием <...> В языке Некрасова не было этого милого украинского акцента, какой сохранил во всех чужбинах Николай Бердяев. При всей своей русскости, язык Некрасова звучал в унисон с украинским, всегда был несовместимым с официальной фальшью» (*Евгений Сверстюк. Отчий дом Виктора Некрасова // Mirror Weekly. 01.03.1997; https://zn.ua/SOCIETY/otchiy_dom_viktora_nekrasova.html*).

специфический «нерусский выговор» может оказаться слабым местом самых выдающихся деятелей партии, в особенности ораторов. Так, Ленин всячески предостерегал от выступлений Льва Троцкого — из опасений, как бы Троцкий не вызвал антисемитской реакции.

У грузинского акцента, наоборот, первоначально сложилась не столь печальная судьба. Лишь после Великой Отечественной войны Сталин приступил к политике русской национализации. Именно тогда, как уже было сказано, вместо актера Геловани, игравшего Сталина в более документальной манере — как грузина и с акцентом, сменил Алексей Дикий, говоривший по-русски без малейшего намека на грузинский акцент.

Однако, несмотря на официальную политику русификации, в обиходе грузинский акцент не перешел из-за этого в разряд «нелюбимых» или «неприятных». Наоборот, судя по сравнительно редким литературным примерам¹³, речь идет либо о заведомо дружественном акценте самого Сталина, либо о шутивно воспринимаемом признаке гостеприимного человека, любящего поест и выпить.

В книге Георгия Полонского «Доживем до понедельника», легшей в основу одного из самых культовых советских фильмов (1966–1968), есть такой эпизод:

Не-ет, вы цветочками не отделаетесь, — шумел Игорь Степанович, — такое дело отмечается по всей форме! У нас напротив мировая шашлычная открылась, все в курсе? И я уже с завом на «ты», он нас встретит в лучших традициях Востока! — заверял он, переходя на грузинский акцент. Входили другие учителя, им наскоро объясняли, в чем дело...

¹³ Нижеследующие примеры приводятся по результатам поиска словоформы «грузинский акцент» и ее производных в «Корпусном словаре русского языка» (<http://ruscorpora.ru/index.html>).

Вместе с тем ближе к концу 1970-х гг. основной дискурс отношения к акцентам вообще и, в особенности, восприятия грузинского акцента Сталина начал смещаться в новом направлении. Так, в мемуарах известного дипломата Олега Трояновского, написанных уже в конце 1980-х и опубликованных в 1997 г., автор дает следующую оценку речи Сталина:

Сталин сел справа от меня, за ним Молотов. Англичане расположились по другую сторону стола. Сталина было нетрудно переводить. У него был сильный грузинский акцент, но по-русски он выражал мысли правильно и точно, используя богатый набор слов. Он говорил короткими фразами, а периоды между паузами не были длинными, так что для переводчика не составляло труда делать заметки, а затем воспроизводить его высказывания.

Как видно, своим противопоставлением («был сильный акцент, но мысли выражал правильно») автор указывает, что акцент сам по себе — достаточное основание, чтобы подозревать у говорящего более примитивное мышление на неродном языке¹⁴. Учитывая отсутствие или, по крайней мере, незаметность этого дискурса в 1910–1960-х гг., можно предположить, что отождествление «акцента» в речи с уровнем или качеством мышления становится общим местом именно в конце 1970-х — начале 1980-х гг. В эти годы значительную роль играл такой жанр городского фольклора, как анекдот. Одним из любимых персонажей советских анекдотов был «богатый грузин». Специфичным для анекдотического грузина являлась его своеобразная манера недопонимать русскую речь по повторяющемуся этнофолическому сценарию.

¹⁴ См. этот подтекст в цитируемом ниже некрологе Эдуарду Шеварднадзе журналиста Н. Долгополова.

Этот тип, выведенный в положительном ключе в фильме Георгия Данелия «Мимино» (1977–1978), возник не столько в реальной социальной среде Москвы, где жило множество выходцев с Кавказа, сколько в так называемом грузинском, или кавказском, анекдоте. Приведем некоторые примеры.

У Армянского радио спрашивают:

— Может ли грузин купить «Волгу»?

— Может, но зачем ему столько воды? [обыгрывается омонимия названия автомобиля и реки].

Другой популярный анекдот конца 1970-х гг., иронически обыгрывающий грузинскую тему, повествует о грузине, который покупает кофе в студенческой столовой и говорит продавщице «адын кофе»: хоть и с сильным акцентом, но, на радость буфетчице, правильно склоняет слово мужского рода. Однако анекдот приходит к смешному финалу после того, как грузин продолжает: «И адын бюлочка». Акцент оказывается инструментом этнофолизма. В целом, однако, и анекдотический Сталин, и анекдотический грузин-простолюдин находились до начала 1980-х гг. скорее в нейтральной, а часто и в положительной зоне общественного дискурса. Но наступил исторический момент, когда свой, родной, теплый акцент «отца народов» — Сталина вступил в конфликт с акцентом карикатурного «грузина из анекдота». Момент, когда этот конфликт взорвался в пространстве неофициальной позднесоветской общественной дискуссии, можно датировать с высокой степенью точности: это была переписка историка Натана Эйдельмана и писателя Виктора Астафьева, вызванная публикацией рассказа Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» (1986).

Грузинский акцент, не очень удачно переданный в остальном хорошим писателем, используется в рассказе как

инструмент для выражения большей или меньшей степени отвращения к главному персонажу рассказа — Отару. Когда Астафьев хочет изобразить своего героя «плохим», наделяет его акцентом:

Ты пыл бэдный! Пудэш бэдный! Я пыл богатый! Пуду богатый!

Когда герой говорит о высоком и прекрасном, Астафьев не слышит акцента:

— Первая национальная академия, — пояснил нам Отар. — По давнему преданию, здесь, в академии, учился ликосолнечный, во веки веков великий сын этой земли Шота Руставели, значит, и молился о спасении души своей и нашей, в этом скромном и в чем-то неугаданно-величественном храме.

Высокие слова, употребляемые Отаром здесь, не резали слух, ничто здесь не резало слух, не оскорбляло глаз и сердце, и все звуки и слова, произносимые вполголоса и даже шепотом, были чисты и вняты (Астафьев, 1986, 125–126).

Рассказ был опубликован в журнале «Наш современник» через год после назначения министром иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе. Тридцать лет спустя в некрологе Шеварднадзе журналист Николай Долгополов так вспоминает момент назначения:

Сначала удивление: человек, говорящий по-русски с грузинским акцентом, вдруг назначается горбачевским министром иностранных дел. Он ведь и языков не знает. Но у Шеви, как звал его весь мир, были отличные переводчики. А какие речи он будет произносить? А такие: прекрасные, умные, блестящие юмором. Их писал для него старинный друг, гениальный советник и идеальный

спичрайтер, мой знакомец по «Комсомольской правде», коренной грузин и русофил Теймураз Мамаладзе. И когда доводилось видеть Шеварднадзе на каком-либо международном форуме или сопровождать во время визита, можно было за честь Родины не волноваться. С тяжелым акцентом и легким сердцем Эдуард Амвросиевич зачитывал искусно для него написанные тексты (Долгополов, 2014).

Говорящий с сильным грузинским акцентом политик, успевший перед добровольным уходом в отставку публично предупредить о готовящемся путче 1991 г., Шеварднадзе покинул столицу СССР и вернулся в Грузию, где на некоторое время стал президентом. В многочисленных интервью, данных впоследствии, в том числе и после передачи власти Михаилу Саакашвили, Шеварднадзе объяснял свой уход из СССР невозможностью для человека с неродным русским языком заниматься политикой в новой России «национального возрождения». После перестройки он вернулся не в советскую Грузию, в которой родился, вырос и возглавил коммунистическую партию, а в Грузию «национального возрождения». Грузинскому акценту не было больше места в «национальном возрождении» России. Но случилось это в 1990–1991 гг.

А словосочетанием «русское национальное возрождение» оправдывал свое глумление над грузинами с их акцентом Виктор Астафьев в 1986 г.¹⁵ Переписка В. Астафьева

¹⁵ «У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам „эсперанто“, „тонко“ названном „литературным языком“. В своих шовинистических устремлениях мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, — собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино

с Н. Эйдельманом, разразившаяся в августе–сентябре 1986-го и до 1990 г. ходившая тысячами копий в самиздате, была опубликована без купюр в культовом перестроечном рижском журнале «Даугава» после смерти Н. Я. Эйдельмана (Эйдельман, Астафьев, 1990).

Однако мотив грузинского акцента как символа чужеродности грузин в России мы замечаем и в гораздо менее массовой, но рефлексивно более тонкой философско-политической плоскости. Речь идет о восприятии известными деятелями русского национального возрождения философского творчества Мераба Мамардашвили. Начиная с 1990 г., когда Мамардашвили, активный политический противник президента Звиада Гамсахурдия, скоропостижно скончался в аэропорту Внуково, откуда намеревался вылететь в Тбилиси, в русской праворадикальной публицистике началась поразительная по ярости публицистическая кампания. Целью этой кампании было и остается вычеркивание Мамардашвили из списка «русских философов». Чем активнее друзья и ученики Мамардашвили печатали и перепечатывали работы философа, чем больше появлялось переводов его сочинений на иностранные языки, тем яростнее становились его враги. И спустя 12 лет после смерти философа «русская правая» пишет о нем так, словно Мамардашвили жив и может с того света вступить в дискуссию. Так, известный философствующий публицист Константин Крылов публикует 30 апреля 2002 г. на своей странице в «Живом Журнале» (<http://krylov.livejournal.com>) три взаимосвязанных текста, один из которых — это размышление самого Крылова о передразнивании акцентов как излюбленной забаве московской интеллигенции

тоже „приберем к рукам“ и, о ужас! О кошмар! сами прокомментируем „Дневники“ Достоевского», — пишет Астафьев Эйдельману (Эйдельман, Астафьев, 1990, 66).

(1980-х гг.), другой — пример такого передразнивания собственного сочинения, а третий — памфлет Дмитрия Галковского, мишенью которого Мамардашвили (Мамарда, как называет его Крылов) становится уже не столько как «русский философ», сколько как философ вообще.

Все три текста — мемуар об акцентах, пример пародии и инвектива Галковского — передают атмосферу исторжения «грузинства» из нового «русского мира» в дискурсе национальной консолидации и очищения от инородчества, даже ценой расставания со сталинским советским мифом «дружбы народов».

Приведу полный текст записи Константина Крылова:

Мамардашвили

Одно время я развлекал друзей на факультете пародированием текстов Мамарды. Производство этой продукции не составляло труда: нужно было заучить наизусть несколько «главных мыслей» (точнее, несколько характерных выражений) и, потряхивая «культурным багажом», саморазворачивать логос, не забывая имитировать грузинский акцент. Имитация акцента мне давалась хуже всего — возможно, потому, что само это занятие отдавало советским юмором (интересно, кстати, что большинство известных мне отороженных демократов умело и с удовольствием воспроизводили всяческие «акценты», и вообще любили кривляться «по таким поводам» — что наводит на некоторые размышления). Но с «содержательной частью» проблем не возникало.

Получалось примерно следующее:

Мы собрались здесь, чтобы поговорить о философии. Я начну с такого утверждения, что философия сама по себе нам не дана, не дана, и все, а открывается нам только как бесконечная такая культурная перспектива, разворачиваемая из одной точки, которая находится где-то внутри когнитивного акта, внутри акта понимания.

Но акт понимания построен так, что внутрь него мы зайти не можем, то есть — я мыслю, значит, я существую, я как бы выталкиваюсь к существованию вот этой самой мыслью, что я существую, я существую, в то время как я думаю, что мыслю. Я оказываюсь не в том месте, в котором я есть, где находится моя неотменимая ответственность. И вот эта ответственность, вот эта бесконечная форма, о ней говорил Декарт — «я мыслю, когда я мыслю», то есть я Декарт, в то время как я мыслю себя, но в чем? В пространстве вот в этом. Картезианская революция — это такое вот самоопределение мысли в существовании. И тут перед нами возникает проблема причинной связи, невытекания момента последующего из вот этого предыдущего момента. Существование субстанции, поддержание существования этого — это ведь чудо. Чудо не меньшее, чем сотворение мира. С этого и начинается мысль, как суверенная стихия мышления. Что это значит? Я мыслю, когда я мыслю, то есть я причина самого себя, и это значит, что я свободен. Это и есть точка свободы, точка безумия, в которой мы развязаны для бытия, как говорил Мандельштам. Вот эта самая точка, точка ответственности, она - - -

и т. п.

))(

Update: к теме. Галковский, как всегда, точен:

Во всех советских средствах массовой информации с завидной регулярностью печатаются многочисленные воспоминания, аналитические статьи, архивные материалы, эссе, посвященные памяти «Великого Мераба» и содержащие примерно следующие «философские диалоги»:

Иван: Скажите пожалуйста, что мне делать. Я вот тут чай налил, а пить его не могу — кипяток.

Мераб: Жды пят минут. (Пауза в пять минут)

Иван: Мераб, пять минут прошло. Что делать?

Мераб: Тыпэр пэй.

И далее по Иванушкиным мемуарам:

«Я стал пить. Чай был душистый, теплый. Внезапно слезы подступили к глазам — а Мераб, скромный великий человек, стоял у кухонного окна, облокотившись на подоконник, курил трубку, смотрел на меня и ласково, понимающе, улыбался. Я перевернул допитую чашку доньшком вверх, положил ее на блюдо, встал, тихо подошел к Мерабу, скользя шерстяными носками по холодному линолеуму, опустился на колени и поцеловал жилистую, пропахшую табаком руку мыслителя: «Спасибо, Учитель».

Характерно, что шулер именно грузин. Это в советских условиях не настораживало (как это — грузинский... философ?), а придавало дополнительную подлинность. Советскому интеллигенту при одном слове — «Грузия» полагалось глупо улыбаться от нахлынувшего счастья. Знаменитая грузинская интеллигенция, добрый деликатный народ. В промозгом сером Париже на панелях продают себя русские графини, графы-кокаинисты роются в клоаках; а в Солнечном Тбилиси идет джигитовка — целые эскадроны в развевающихся бурках с саблями наголо врываются на горные вершины мирового духа. От всех этих бесконечных джугашвили, ментешавили, орджоникидзе, берий, окуджав, енукидзе, мжаванадзе, рухадзе, шеваднадзе, георгадзе, а равно противостоящих им, но тоже совершенно НЕИНТЕРЕСНЫХ И НЕ НУЖНЫХ НИКОМУ В РОССИИ, „тицианов“ табидзе и „паоло“ яшвили, а также прочих гамсахурдий русских давно рвет. Так что не дураки же писать такое. Значит — „за деньги“. При этом обращает внимание заданность подобных публикаций. Они всегда появляются к определенным датам или в связи со всякого рода централизованными мероприятиями. Почему это происходит и как конкретно осуществляется — на эту тему можно говорить неопределенно долго. В данном случае важно одно: Мамардашвили не имеет никакого отношения к философии» (Крылов, 2002).

Мы эскизно проследили движение грузинского акцента как дискурсивной единицы (топоса и мотива) русской литературно-политической публицистики с 1950-х до середины «нулевых» годов нового века, выделив две основополагающие цезуры. Первая — это цезура конца 1970-х, когда грузинский акцент начинает балансировать между позитивным и солнечным акцентом товарища Сталина и несколько вызывающим говором уличного торговца. Вторая — это середина-конец 1980-х, когда в литературе (Виктор Астафьев) и в политическом дискурсе происходит резкий крен вправо.

В письме Виктору Астафьеву Натан Эйдельман выделяет в качестве основного признака творчества этого писателя расставание Астафьева с гуманистической традицией русской литературы двух эпох — русско-имперской (образец для Эйдельмана здесь — Лев Толстой как автор «Хаджи-Мурата») и советско-имперской (образцом советской гуманистической традиции сам Эйдельман до сих пор считал как раз Астафьева!). Русский писатель не мог бы так писать о грузинах! — утверждает Эйдельман, испытавший отвращение именно к пародируемым грузинскому акценту и общему виду толстых, лоснящихся от спеси и обжорства грузинских детей. Акцент здесь становится острием атаки. Именно эта атака хорошо дополняет и политическое переживание расставания РФ с Грузией, обострившееся после русско-грузинской войны 2008 г. и ее последствий. Возможно, и эта война была до некоторой степени предугадана позднесоветским анекдотом, по прошествии четверти века едва ли понятным без комментария. Первая пешеходная улица Москвы — знаменитый Арбат — «течет», по слову Булата Окуджавы, «как река» — от перестроенного в 1980-х гг. громадного здания одного из военных ведомств на Арбатской до здания МИДа на Смоленской площади. Согласно московскому анекдоту тех месяцев,

после назначения Шеварднадзе министром иностранных дел СССР Арбат переименовали в «Военно-Грузинскую дорогу». Незаметно, но решительно менялись, таким образом, сами основания официальной советской идеологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов В.* (1994) Политика и орфография // Независимая газета. 30 апреля.
- Аржак Н.* [Даниэль Ю.] (1962) Говорит Москва. Вашингтон: Филиппов.
- Астафьев В.* (1993) Мультикультура // *Континент*. № 75. С. 111–118.
- Астафьев В.* (1986) Ловля пескарей в Грузии // *Наш современник*. № 5. С. 123–141.
- Бухвалов Г.* (1994) Во дни сомнений... Язык и достоинство нации // Век. 7–13 октября. С. 11.
- Быков Д.* (1995) ОРТ ориентируется на обывателя // *Общая газета*. 13–19 апреля. С. 13.
- Горышин Г.* (1994) Мой мальчик, это я [Воспоминания] // *Наш современник*. № 6. С. 160–181.
- Готье Ю.* (1993) Мои заметки [1920–1922] // *Вопросы истории*. № 2. С. 139–155.
- Гусейнов Г.* (1992) Исторический смысл политического косноязычия. Украина и русское общество // *Знамя*. № 9. С. 190–199.
- Долгополов Н.* (2014) Шеварднадзе был министром нового типа // *Российская газета*. 8 июля. № 150 (<https://rg.ru/2014/07/08/georgia.html>).
- Ерофеев В.* (1995) Оставьте мою душу в покое: Почти все. М.: Изд-во АО «Х.Г.С.».
- Жириновский В.* (1994) Анекдоты из коллекции Жириновского. СПб.: Симплекс.
- Затонский Д.* (1994) Ценности или есть — или их нет // *Литературная газета*. 13 апреля.
- Игошев Л.* (1994) О путях России [по поводу статьи А. Зубова «Пути России»] (*Континент*. № 75. С. 124–159) // *Континент*. № 81. С. 178–191.

- Каграманов Ю.* (1993) Украинский вопрос // Дружба народов. № 10. С. 174–184.
- Клюковкин Р.* [Письмо в редакцию] // Новое время. 1994. № 23. С. 2–3.
- Коваленко В.* (1994) Русский по-украински (свинья, подложенная большевиками) // Независимая газета. 20 апреля.
- krylov* [Крылов К.] (2002) Мамардашвили // krylov. Живой журнал «Всеобщий синопсис или Система мнений». 30.04 (<https://krylov.livejournal.com/309071.html>).
- Лебедь А.* (1995) Россия сейчас — место, где воруют и дерутся. Изменить положение сможет коалиция левых и патриотических сил // Независимая газета. 5 октября.
- Матвеев В. И.* (1989). Языковая ситуация в студенческой среде (на примере Киевского пединститута иностранных языков) // Философская и социологическая мысль. № 6. С. 11–13.
- Новиков А.* (1993) Геополитизация кризиса власти // Век. № 42 (61).
- Поздняев М.* (1995) Тенденция, однако. Религиозные войны в России становятся реальностью // Общая газета. 6–12 апреля.
- Руденко Д.* (1994) Пространство: грань бытия // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 2. Харьков: Око. С. 129–167.
- [Б. а.] Свобода, карбованец и Крым (1994). Несколько мнений об украинской «незалежности» [отклики читателей] // Новое время. № 3. С. 2–3.
- Черкизов А.* (1996) Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводитель по пяти годам жизни страны. 1991–1996 [Выступление автора на радиостанции «Эхо Москвы»]. М.: Март.
- Чуковская А.* (1997) Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковский К.* (2003) Дневники: В 3 т. Т. 2. М.: Олма-Пресс.
- Эйдельман Н., Астафьев В.* (1990) Из переписки (1986) // Даугава. № 6. С. 62–67.
- [Б. а.] Я так тэбэ кохаю (1995) // Куранты. 16–17 сентября.
- Bilaniuk L.* (2004) A Typology of Surzhyk: Mixed Ukrainian-Russian Language // International Journal of Bilingualism. Vol. 8. № 4. P. 409–425.

- Bilaniuk L.* (2010) Language in the Balance: the Politics of Non-accommodation on Bilingual Ukrainian–Russian Television Shows // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 2010. Is. 201. P. 105–133.
- Gal S.* (1998) Multiplicity and Contention among Language Ideologies // Shieelin B., Woolard K., Kroskrity P. (Eds.) *Language Ideologies: Practice and Theory*. Oxford: Oxford University Press. P. 317–331.
- Heinrich H.-G.* (1995) Was blieb von der sowjetischen Politsprache? // Wodak R., Kirsch F.P. (Eds.) *Totalitäre Sprache — Langue de bois — Language of Dictatorship*. Wien. S. 181–194.
- Lippi-Green R.* (1997) *English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States*. London: Routledge.
- Mübleisen S.* (2005) What Makes an Accent funny and why: Black British Englishes and Humour Televised // Reichl S., Stein M. (Eds.) *Cheeky Fictions: Laughter and the Postcolonial*. Amsterdam; New York. P. 225–243.
- Sacks H.* (1974) An Analysis of the Course of a Joke's Telling in Conversation // *Explorations in the Ethnography of Speaking*. London: Cambridge University Press. P. 337–353.